
**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР
«РОССИЙСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ НЕКРОПОЛЬ:
НАСЛЕДИЕ, КОТОРОЕ МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОТЕРЯТЬ»**

Москва

ВСТУПЛЕНИЕ

В рамках научно-исследовательской и научно-просветительской программ Научного центра в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына постоянно действуют семинары по некрополистике и историческому краеведению российского зарубежья, а также семинар по истории философской и религиозной мысли.

Научно-просветительский семинар «Российский зарубежный некрополь: наследие, которое мы не должны потерять» начал работу с февраля 2010 г. Кураторы семинара — заведующая отделом истории российского зарубежья кандидат исторических наук Марина Юрьевна Сорокина и старший научный сотрудник отдела Наталья Юрьевна Масоликова.

Семинар имеет открытый характер, он доступен для участия всех желающих. На его заседаниях обсуждаются общие методологические проблемы культуры памяти и конкретные вопросы некрополистической эвристики.

В течение 2010–2011 гг. проведено пять заседаний, на которых были представлены материалы, собранные сотрудниками Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына во время зарубежных поездок. М.Ю. Сорокина сделала обзор российских некрополей североамериканского континента, фокусируя внимание на истории научного зарубежья; Н.Ю. Масоликова рассказала о поиске захоронения ученого-правоведа, депутата III и IV Государственных дум Российской империи А.Ф. фон Мейендорфа в Великобритании; П.А. Трибунский — о розыске могилы историка Г.В. Вернадского в Нью-Хейвене (США). Историк военного зарубежья И.В. Домнин представил доклад «Деятели русской военной культуры и зарубежный воинский некрополь», И.А. Лопухина поделилась впечатлениями о состоянии русского некрополя в Чили, С.В. Романова рассказала об истории русских могил острова Сан-Микеле (Венеция, Италия).

В планах семинара на 2012 гг. — заседания, посвященные историческим памятникам российского зарубежья в Польше, Китае, Тунисе, Сербии, Греции.

Надеемся, что наш семинар станет площадкой для оживленных дискуссий, неожиданных встреч — через время и пространство, и одновременно — для тихой минуты памяти и скорби.

Ниже публикуются очерки участников семинара (Н.Ю. Масоликовой, С.В. Романовой, П.А. Трибунского), открывающие новые страницы истории российского зарубежья и раскрывающие методику поиска конкретных захоронений в различных странах.

М.Ю. Сорокина

C.B. Романова

ПО СЛЕДАМ ГРАФА А.А. БОБРИНСКОГО
В ЮЖНОМ ТИРОЛЕ

Регион на севере Италии, на границе с Австрией — Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль), провинция Больцано. Сказочной красоты горные пейзажи. Чистейший альпийский воздух. Великолепно оборудованные горнолыжные трассы. Источники целебных термальных вод, которые были открыты здесь еще во времена Римской империи. Ни с чем не сравнимое чувство умиротворения и покоя. Это райское место привлекает сегодня множество туристов: одни приезжают на лечение, другие — кататься на горных лыжах, третьи осваивают пешеходные горные маршруты. Как сегодня, так и сто лет назад этот регион, входивший в состав Австро-Венгерской империи и присоединенный в 1919 г. по аннексии к территории Италии, был популярен среди туристов и путешественников, бежавших от суеты, искавших простых и естественных радостей жизни. В конце XIX в. в столицу Больцано (Боцен), в расположившийся в долине знаменитый своими термами город Мерано и в небольшие горные селения начали приезжать и русские отдыхающие. Между Санкт-Петербургом и Мерано было установлено прямое железнодорожное сообщение. Три раза в неделю в 6.45 утра экспресс Санкт-Петербург — Мерано отправлялся с Варшавского вокзала и, проехав через Варшаву и Вену, спустя 53 часа после начала маршрута прибывал в Мерано. Поезд был оборудован всем необходимым для удобного и приятного путешествия русских курортников: роскошные и комфортабельные купе, места для отдыха и чаепитий, стильная мебель, зеркала и пр. Существование поезда продлилось до начала Первой мировой войны. В 2010 г. Россия возобновила железнодорожное сообщение с этим регионом Италии, маршрут поезда №17/18 Москва — Ницца проходит через Южный Тироль с остановкой в Больцано.

Трудно поверить, но в этой небольшой провинции очень трепетно относятся к сохранению памяти о живших здесь русских, стараются поддерживать интерес к русской культуре и русскому языку. В Тироле вот уже более 20 лет существует и активно работает культурная ассоциация «Русь», возглавляет которую потрясающая женщина, настоящий энтузиаст России, русской истории, культуры, языка, автор многих исследований, посвященных русским эмигрантам в Южном Тироле, Бьянка Марабини-Цегглер. Именно от нее я впервые услышала о русской колонии в Мерано. Синьора Марабини не просто безупречно владеет этой темой; она стала делом всей ее жизни.

Состав русской колонии в Мерано был довольно пестрым: среди отдыхающих были и аристократы, и представители среднего класса. Именно для таких больных,

находившихся на лечении в течение одного или нескольких, обычно зимних, сезонов, но не имевших достаточно средств для оплаты дорогостоящего курортного жилья, и был создан Русский дом. Две расположившиеся рядом виллы «Москва» и «Петербург» были построены на средства Надежды Ивановны Бородиной, приехавшей лечиться от туберкулеза в Мерано (впоследствии, после ранней смерти благотворительницы, весь русский комплекс в Мерано получил ее имя). На втором этаже виллы «Москва» была организована православная церковь Св. Николая Чудотворца — особо почитаемого в России святого и покровителя города Мерано. Историю Русского дома им. Н.И. Бородиной подробно описали Бьянка Марабини-Цегтлер и ее соавтор Михаил Талалай в книге «Русская колония в Мерано: К 100-летию Русского дома им. Бородиной», опубликованной в Больцано в 1997 г.

Конечно, русская колония в Мерано не была такой многочисленной, как, например, в Париже или Белграде. В ней встречались известные и не очень имена, но у каждого из них была интереснейшая и иногда незаслуженно забытая история.

Одно из таких имен — граф Алексей Алексеевич Бобринский (1861–1938). Талантливый ученый. Этнограф. Искусствовед. О жизни этого человека, особенно об итальянском ее периоде, известно обидно мало.

Граф был потомком Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813) — внебрачного сына императрицы Екатерины II и графа Г.Г. Орлова — и последним владельцем родовой усадьбы Бобрики в Тульской области.

Примечательно, что в Тульской области находятся два усадебных комплекса, принадлежавших роду Бобринских. Великолепный дворцово-парковый комплекс в городе Богородицке некоторое время назад был отреставрирован, очищен пруд. Второе поместье — усадьба Бобрики в поселке Бобрик-Гора недалеко от города Донского — находится у истока Дона. В усадьбе сохранились парк, несколько построек и усыпальница графов Бобринских (XIX в.).

Небольшое лирическое отступление: в середине 1980-х гг. часть огромной территории усадебного парка была превращена в детский санаторий и лагерь. В детстве я бывала в пионерском лагере в Бобрик-Горе. Запомнилось немного: совершенно заросший, запущенный и бесконечный, как мне тогда казалось, парк. Через парк были проложены асфальтовые дорожки, но и они постепенно застраивали, уступая место буйной растительности. Пустые и страшные, раньше белые, а теперь потемневшие от времени беседки в классическом стиле. В этом было что-то гнетущее и пугающее, но в то же время таинственное и манящее. Мы рассказывали друг другу выдуманные истории, одна страшнее другой, о жившем здесь когда-то графе, имени которого мы, конечно, не знали, о страшной семейной тайне, неразделенной любви и поговаривали, что ночью в парке появляются привидения. С тех пор прошло много лет. Не знаю, что случилось с детским лагерем, но усадьба Бобринского сохранилась, сегодня это историко-мемориальный музейный комплекс «Бобрики».

Алексей Алексеевич Бобринский родился 9 (21) декабря 1861 г. в семье помещика графа Алексея Васильевича Бобринского (1831–1888), заводчика породистых лошадей, и графини Софьи Алексеевны Шереметевой (1842–1871). Алексей получил домашнее образование. Увлечение этнографией стало его профессией. Он стал известен благодаря трудам по этнографии народов Средней Азии и Русского Севера. Неоднократно при содействии Общества любителей естествознания

Русский дом в Мерано

Церковь Русского дома в Мерано

Церковь в Кастельротто

таджиков Дарваза» Алексей Алексеевич был награжден золотой медалью Императорского Археологического общества, а в 1905 г. граф стал действительным членом Русского географического общества.

Наблюдения за бытом народов Русского Севера побудили графа Бобринского к изучению народных промыслов и искусства. В путешествиях по северу и северо-западу России был собран уникальный материал (фотографии, предметы быта, деревянные изделия) и подготовлены альбомы «Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода» (Вып. 1–12. М., 1910–1914); «Резной камень в России» (М., 1916).

В Тироль А.А. Бобринский впервые приехал в 1909 г. — его жене графине Элизе Петерсон требовалось лечение от туберкулеза. В небольшом горном городке Сиузи Бобринский купил крестьянскую усадьбу и полностью перестроил ее. Перед Первой мировой войной семья Бобринских вернулась в Россию. В 1915 г. супруга графа скончалась и была похоронена в Бобриках. Второй женой Алексея Алексеевича стала Мария Дмитриевна Вакарина. В 1916 г. Бобринский снова приехал в Сиузи, где и остался до конца своей жизни. На склоне лет, видимо испытывая финансовые трудности, граф превратил виллу в пансионат, а затем и вовсе продал ее. Вилла графа Бобринского в Сиузи сохранилась, сейчас в ней находится гостиница «Мирабэль».

ния, антропологии и этнографии при Московском университете совершил экспедиции (в 1895, 1897 и 1901 гг.) по Средней Азии, на Памир для сбора этнографических, антропологических, зоологических и метеорологических данных. На основании собранных материалов и путевых заметок опубликовал немало сочинений: «Зеравшанские горы и верховья Аму-Дарьи» (М., 1899); «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)» (М., 1900); «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкешимцы): Очерки быта» (М., 1908). За книгу «Орнамент горных

Общий вид кладбища в Кастельротто

Могила А.А. Бобринского и М.Д. Вакариной.
Надписи на надгробии и на металлической пластине около него

Могила графа А.А. Бобринского и его супруги М.Д. Вакариной на кладбище Кастельротто

положены отели и пансионаты для отдыхающих. Среди туристических предложений, не считая фантастической красоты пейзажей и чистейшего воздуха, разветвленная сеть горных пешеходных маршрутов и конечно горные лыжи. Кругом слышна преимущественно немецкая речь; немецкий язык здесь преобладает и на вывесках отелей и магазинов (государственным является итальянский язык, но в этой автономной провинции немецкий уравнен с ним в правах).

Вояж в Кастельротто я совершила самостоятельно, но перед поездкой получила от коллег из ассоциации подробные инструкции, как найти могилу Бобринского. Мне сказали, что она находится на церковном кладбище. Найти церковь в этом местечке было нетрудно. Самое красивое здание в центре поселка — католическая приходская церковь Свв. Петра и Павла. Церковную колокольню видно издалека — это единственная здесь высокая постройка. Кладбище находится за церковью на открытой, не затененной никакой растительностью площадке. Оно небольшое. Строгие ряды крестов. Кругом — никого, ни одного человека. Обста-

Алексей Алексеевич скончался 4 декабря 1938 г. и похоронен на церковном кладбище в небольшом поселке Кастельротто недалеко от Сиузи.

В июне 2011 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына организовал в Мерано выставку российских книг, которые затем были подарены библиотеке ассоциации «Русь». Открытие выставки и участие в мероприятиях ассоциации мне удалось совместить с поездкой в Кастельротто, на могилу графа. Поселок Кастельротто, что в переводе с итальянского значит «разрушенный замок», находится в горах, на высоте более 1000 м. Большинство домов в поселке — это двух-трехэтажные виллы, в которых рас-

новка кладбища крайне аскетична, но открываящийся с этой площадки вид на горы такой, что дух захватывает. Большая часть надписей на надгробиях сделана готическим шрифтом, читать который невообразимо трудно. С ужасом понимаю, что здесь под палящим июньским солнцем искать могилу графа придется долго. Вдруг в самом дальнем левом углу замечаю необычный, отличающийся от других и совсем не похожий на православный, каменный крест. На металлической пластине, вплотную примыкающей к каменному надгробию, надпись: «Gräfin Bobrinski / geb. Maria Wakarina / 5.2.1876 in Moskau / 9.6.1957 in Seis». Это вторая жена А.А. Бобринского М.Д. Вакарина. Но где же могила самого Алексея Алексеевича? И тут, присмотревшись внимательнее, вижу, что за пластиной на камне выбито: «Conte Alessio Bobrinski». Признаюсь, что, достигнув цели своего путешествия в эти места после получасовой езды по горному серпантину, испытала радость первооткрывателя, какую, наверное, испытывал сам граф во время экспедиций на Памир. Приятно удивило состояние могилы — она ухожена, а значит, есть люди, которые навещают графа и приводят в порядок место его захоронения.

Можно ли назвать историю судьбы Алексея Алексеевича Бобринского забытой страницей в истории русской эмиграции? «Все минувшие годы книги его читались и читаются, более того, букинисты за последние годы подняли цену на эти редкие и ценные издания, особенно когда стала проявляться личность автора. Плодами его трудов пользовались как ученые, так и мастера русского народного искусства, ссылались на его книги в литературе, однако, ссылаясь на них, не имели ни малейшего представления о самом авторе, а если имели, то эти представления были абстрактными, не конкретными. Личность за его именем не проглядывала, да и не было в нашей недавней истории надобности в этом»¹. Выясняется любопытная деталь: долгое время Алексея Алексеевича Бобринского путали с его дальним родственником, председателем Императорской Археологической комиссии графом Алексеем Александровичем Бобринским (1852–1927), который также скончался в эмиграции. Некоторые из трудов Алексея Алексеевича были даже приписаны Алексею Александровичу. Справедливости ради стоит сказать, что в последние годы ситуация меняется к лучшему. И в том, что имя этого талантливого ученого и история его жизни в Италии постепенно выходят из тени, большая заслуга режиссера-документалиста Давлата Худоназарова, историков русской эмиграции Бьянки Марабини-Цеггелер и Михаила Талалая. В честь 150-летия со дня рождения графа А.А. Бобринского вышла в свет книга этого авторского коллектива «Граф Бобринской: долгий маршрут от Памира до Доломит». (*Marabini Zoeggeler B., Talalay M., Khudonazarov D. GRAF BOBRINSKOJ: Der lange Weg vom Pamir in die Dolomiten. Bozen (Bolzano, Italy): Edizion RAETIA, 2012.*) Настоящий очерк — наша скромная дань памяти выдающегося соотечественника.

Фото С.В. Романовой

---

¹ Худоназаров Д.Н. В поисках архива графа А.А. Бобринского в Южном Тироле: К 150-летию ученого // Вестник архивиста. 2011. № 4. URL: <http://www.vestarchive.ru/lica/1454-v-poiskah-archiva-grafa-aa-bobrinskogo-v-ujnom-tirole-k-150-letiu-ychenogo.html>. (Дата обращения 22 октября 2011 г.)

П.А. Трибунский

ПОТЕРЯННАЯ И ОБРЕТЕННАЯ: МОГИЛА СУПРУГОВ ВЕРНАДСКИХ В НЬЮ-ХЕЙВЕНЕ

Поиск могил российских эмигрантов за границей — задача сколь увлекательная, столь и трудноисполнимая. Частая смена стран проживания, нестабильная транслитерация имен собственных, изменения фамилий — все это сопровождало изгнанников при жизни, до сих пор мешая установить места их захоронения.

Современная широкомасштабная деятельность зарубежных правительственные и частных организаций по созданию баз данных, охватывающих основные даты жизни граждан, работа по учету могил на специализированных ресурсах и сайтах кладбищ немало способствовали развитию некрополистики российского зарубежья. Однако уровень охвата материала пока явно недостаточен для того, чтобы полагаться исключительно на электронные ресурсы. Поиск захоронения супругов Вернадских, осуществлявшийся в 2010 г. по просьбе М.Ю. Сорокиной, интересен именно как сочетание традиционных эвристических методов с использованием данных, находящихся в сети Интернет.

Первый этап поиска включал в себя исследование традиционных ресурсов. Изучение справочника «Незабытые могилы», некрологов Г.В. Вернадского, материалов наиболее авторитетных и представительных генеалогических сайтов (www.ancestry.com, www.linkpendium.com, www.archives.com) позволяло лишь ответить на вопрос о точной дате смерти (20 июня 1973 г., Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Сведений о месте захоронения Г.В. Вернадского и супруги указанные выше ресурсы не содержали.

Второй этап поиска по специализированным сайтам, содержащим обобщающую информацию о захоронениях на территории США (www.findagrave.com, www.interment.net), также не привел ни к каким результатам.

Могло показаться, что поиски зашли в тупик. Их очередной тур начался с изучения общей ситуации с кладбищами в Нью-Хейвене, которых насчитывается четыре: Эвегрин Семетри (Evergreen Cemetery), Фэр Хейвен Юнион Семетри (Fair Haven Union Cemetery), Бивердейл Мемориал Парк (Beaverdale Memorial Park), Гроув Стрит Семетри (Grove Street Cemetery). Лишь последние два имели собственные сайты, на которых присутствует функция поиска по записям о похоронении (www.beaverdale.net, www.grovestreetcemetery.org). Запрос на искомую фамилию снова не дал никакого результата. Оговоримся, что полностью доверять результатам поиска по сайтам кладбищ не приходится: так, попытка установить, используя функцию поиска на сайте, место захоронения другого эмигранта, про-

фессора Йельского университета М.И. Ростовцева, на кладбище Гроув Страт не увенчалась успехом. И лишь когда в строку поисковика была введена только фамилия без имени, могила обнаружилась: в кладбищенском реестре она числится как совместная могила Софии Ростовцевой и ее супруга М.И. Ростовцева. Самостоятельной записи о могиле М.И. Ростовцева кладбищенский реестр не имеет. Как увидим ниже, не все записи о погребении могут быть обнаружены и на сайте кладбища Бивердейл Мемориал Парк.

Не имея первоначально возможности побывать в Нью-Хейвене, поиск начался с ряда предварительных действий. Прежде всего, была проверена возможность захоронения Г.В. Вернадского на кладбище Гроув Страт, бывшее местом упоко-

Вход на кладбище Бивердейл Мемориал Парк.

Фото с официального сайта кладбища

Общий вид кладбища Бивердейл Мемориал Парк. Фото П.А. Трибунского

Указатель секции М. Фото П.А. Трибунского

ения большинства сотрудников университета. Был направлен запрос в администрацию кладбища с просьбой проверить, не имеется ли запись о погребении Г.В. Вернадского, не учтенная в базе данных на сайте. Ответ был отрицательный.

Далее, были исследованы базы данных сообщений о смерти и некрологов на сайтах местных периодических изданий. Параллельно были сделаны запросы в редакции газет о том, не помещался ли некролог Г.В. Вернадского с указанием места погребения. К сожалению, редакции газет проигнорировали запросы.

Отдельно был проведен поиск самого осведомленного американского биографа Г.В. Вернадского — Чарльза Гальперина. Последний вступил в перепи-

Общий вид захоронения Г.В. и Н.В. Вернадских. Фото П.А. Трибунского

ску, однако данными о месте погребения героя своего исследования не располагал. Предположение Гальперина о возможности историка Р. Фишера помочь в установлении места захоронения его учителя, Г.В. Вернадского, к сожалению, осталось нереализованным: Фишер не ответил на посланный запрос.

Параллельно переписке с Чарльзом Гальпериным был сделан запрос на факультет истории Йельского университета, где Г.В. Вернадский трудился без малого 30 лет. На письмо откликнулся профессор Пол Бушкович, который выразил желание принять участие в поисках.

Определенные надежды возлагались на изучение личного фонда Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве, который пополнялся и после его смерти. К сожалению, в материалах, связанных со смертью Г.В. Вернадского, данных о захоронении также не было.

Более продуктивным оказалось изучение личного фонда ближайшего друга Г.В. Вернадского, историка С.Г. Пушкирева, в Йельском университете, среди материалов которого сохранилась подборка документов, связанная со смертью и погребением первого. Самым ценным документом оказалось письмо Г.В. Вернадского своей сестре, Н.В. Толль, от 14 июня 1970 г., сообщающее о покупке им двух мест на кладбище Бивердейл Мемориал Парк для себя и супруги с точным указанием: Burial estate № 252, section M, spaces 7 and 8. Обнаруженные данные совпали с информацией, которая была самостоятельно установлена Полом Бушковичем по местной периодике, где сообщалось о месте захоронения Г.В. Вернадского на кладбище Бивердейл Мемориал Парк. Уточнив название кладбища, профессор Бушкович позвонил в кладбищенскую контору, где ему подтвердили наличие могилы супругов Вернадских в секции М. Соединившись с профессором П. Бушковичем, мы провели натурный поиск на кладбище в секции М, где и была обнаружена скромная могила супругов Вернадских.

Н.Ю. Масоликова

РУССКАЯ МОГИЛА АНГЛИЙСКОЙ РИВЬЕРЫ:
АЛЕКСАНДР ФЕЛИКСОВИЧ ФОН МЕЙЕНДОРФ В ПЕЙНТОНЕ¹

Для того, чьи интересы, профессиональные или личные, связаны с историей российской эмиграции первой половины XX в., надгробие с православным крестом в другой стране вызывает чувство родства и нескрываемой потребности «знакомства». Впрочем, кресты на российских могилах могут быть разными. А вот имя по-русски — практически на каждом захоронении. Поэтому, посещая сельские церковные кладбища в Англии или городское Ольшанское кладбище в Праге (Чехия), продолжаешь работать, внутренне успокаиваясь и отыхая. Многие могилы уже давно не имеют своих посетителей. Иногда внешний вид захоронений удручаает до такой степени, что автоматически берешься за щетку, ведро воды, перчатки и — за работу. Именно такая история-встреча произошла на юго-востоке Великобритании, в графстве Девон (Devon), в одном из городов английской Ривьеры — Пейntonе (Paignton), куда мы приехали, чтобы разыскать могилу российского правоведа, экономиста и историка барона Александра Феликсовича фон Мейендорфа (von Meyendorff; 1869–1964).

Несмотря на то что в российской части своей жизни барон фон Мейендорф был весьма заметной общественно-политической и научной фигурой, депутатом III и IV Государственных дум, оказалось, что его могилу найти очень трудно. Как многие тысячи его соотечественников, волею революционных катаклизмов он оказался изгнаником, беженцем и скончался в Великобритании 20 февраля 1964 г. Свой последний приют барон нашел на тихом и уютном кладбище города Пейтон, с видом на океан, среди реликтовых сосен и кипарисов, о чем сообщал английский некролог². Однако этим известная до настоящего момента информация о захоронении и исчерпывалась. Между тем, собирая материалы об А.Ф. Мейендорфе для «Словаря российского научного зарубежья», нам хотелось найти его могилу и зафиксировать ее расположение.

Следует заметить, что в отличие от других стран с компактным проживанием российской диаспоры (Франция, Италия и др.), где проведена значительная работа по поиску, описанию и сохранению различных памятников эмигрантской культуры, Великобритания очень плохо освоена в смысле топографии российских некрополей и отдельных захоронений. Поэтому, планируя личное посеще-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 10-03-93609к/К), которому автор приносит благодарность за поддержку.

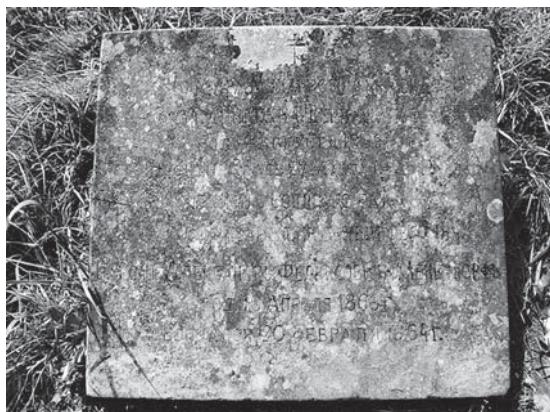
² См.: Slavonic and East European Review. 1964. Vol. 42. № 99. P. 440.

ние графства Девон, мы решили предварительно связаться с администрацией кладбища. Нам повезло, и на первое же письменное обращение мы получили оперативный ответ с подтверждением и номером захоронения. Через два дня неожиданно по почте мы получили карту кладбища с подробными обозначениями. Это было приятно, развеивало множество сомнений и только еще сильнее подстегивало желание реализовать задуманное. Справедливости ради надо сказать, что база захоронений даже в благополучной Англии обновляется нерегулярно, поэтому своим поиском мы также невольно внесли в нее свои корректизы.

День нашей экспедиции (август 2008 г.) был очень солнечным, что для Англии — необычайная благость. Английская Ривьера не зря считалась местом отпуска аристократии. Мы без труда нашли единственное кладбище в небольшом дружелюбном городе и начали поиск каменной таблички с именем А.Ф. фон Мейендорфа — так, по данным администрации, должно было выглядеть его захоронение. Час за часом следовали под непривычно палящим английским солнцем, а результатов все не было. Официальные номера на захоронениях часто просто зарастают или исчезают в силу погодных условий, если за могилой долго не ухаживают, а таких здесь было немало, датированных, например, 1750-ми гг. Понимая, что уехать ни с чем невозможно, мы снова связались с администрацией кладбища по мобильному телефону, и в течение двадцати минут (!) девушка «водила» нас от фамилии к фамилии, от ряда к ряду, ориентируясь по своей компьютерной базе и учитывая наши сообщения о том, что мы видели на местности.

В итоге милая леди была благодарна нам за внесенную в кладбищенские данные правку не меньше, чем мы ей за терпение и готовность помочь. Примерно через три часа совместных усилий мы нашли то, что искали. Это была не таблетка с надписью, а полноценное надгробие. Было понятно, почему пришлось искать его так долго — мы проходили мимо этой могилы уже не раз, но надписи совершенно не было видно, глаз ни за что не цеплялся. Только нагнувшись максимально низко и сильно прищурившись, мы начали, к своему трепету, удивлению и счастью, различать кириллицу.

К сожалению, могила барона фон Мейендорфа и его супруги была одинока и заброшена. Наша маленькая экспедиция приняла единогласное решение привести ее в должный порядок, о чём и рассказывают фотографии, сделанные автором настоящей статьи. Но прежде чем читатель увидит итог работы, расскажем не-

Вид надгробия на могиле
А.Ф. Мейендорфа до расчистки

*Процесс благоустройства захоронения
А.Ф. Мейендорфа и его жены*

России и занимали весьма высокое положение в российской государственной элите. Так, барон Эрнест Петрович фон Мейендорф (1836–1902) был секретарем российских посольств в Берлине и Риме, посланником в Португалии (1896–1899). Дядя А.Ф. фон Мейендорфа — барон Петр Казимирович фон Мейендорф (1796–1863) — членом Государственного совета. В ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи он провел многие годы в Штуттгарте (1832–1839), Пруссии (1839–1850) и Вене (1850–1854); о его профессионализме весьма благосклонно отзывался канцлер Германской империи князь Отто фон Бисмарк (1815–1898).

Александр Феликсович фон Мейендорф родился 29 марта (10 апреля) 1869 г. в Баден-Бадене (Германия). Его отец — Феликс Казимирович фон Мейендорф

много о судьбе А.Ф. фон Мейендорфа и его семье.

Барон Александр фон Мейендорф известен в российской истории в трех основных ипостасях: как один из многочисленных потомков баронского рода прибалтийских немцев, как общественный деятель, один из основателей партии «Союз 17 октября», ратовавшей за эволюционное развитие России на основе конституционной монархии, а также как правовед-ученый, специалист по аграрному законодательству России.

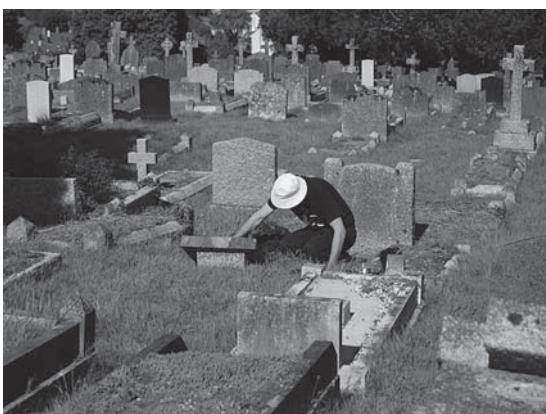
Мейендорфы принадлежали к одной из ветвей древнего рода баронов фон Икскулей, известного с начала XIII столетия. Их ветвь отделилась в конце XV в., а 6 апреля 1679 г. грамотой шведского короля Карла XI ее представители были возведены с нисходящим потомством в баронское достоинство с присвоением фамилии фон Мейендорф³. В 1865 г. баронский титул за фон Мейендорфами был признан и в России.

Многие члены этого остзейского рода состояли на службе в

³ Об этом роде см.: Андреева Н.С. Мейендорфы // Немцы России: Энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 443–444; Илляшевич В., Гайнуллин М. Прибалтийцы на российской дипломатической службе. Таллин, 2005; Мейендорф М.Ф. Воспоминания. Ишим, 2003; Брайтман Л.И. Петербургские сюжеты: О жизни людей известных и не очень. М., 2009. С. 295–313. Большой фамильный архивный фонд российских Мейендорфов хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 573).

(1834–1871) — служил российским посланником в Беймаре (1867–1870) и Ганновере (1870–1871). Мать Александра, Ольга Михайловна (1837–1926), также принадлежала к титулованному и очень известному российскому роду Горчаковых. Ее отец, князь Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861), генерал от артиллерии, с 1856 г. был наместником царства Польского⁴. Однако более всего Ольга Михайловна известна своими дружескими связями со знаменитым венгерским композитором Ференцем Листом (1811–1886)⁵, музой которого была в течение последнего периода его жизни и на коленях которой ее сын Александр фактически вырос. Переписка Ольги Михайловны с композитором, многие десятилетия хранившаяся в семейном архиве, была продана в 1950-е гг. в один из американских архивов и после публикации в Вашингтоне в 1979 г. стала настоящей культурной сенсацией⁶.

Материнская фамильная линия вообще сыграла очень важную роль в жизни Александра фон Мейендорфа. По этой линии он был двоюродным братом Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), премьер-министра России в 1906–1911 гг.⁷ Несмотря на то что Александр был на семь лет моложе кузена, они были дружны и сотрудничали всю жизнь. В студенческие годы Александр фон Мейендорф многоократно бывал в доме отца П.А. Столыпина в Москве, а в зрелые — приглашался им в правительство как специалист по аграрному законодательству, однако отклонил это пред-

Процесс благоустройства захоронения
А.Ф. Мейендорфа и его жены

⁴ См.: Генерал-адъютант князь Михаил Дмитриевич Горчаков. СПб., 1872; Нарбут А.Н. Князья Горчаковы. М., 2004.

⁵ См.: Jung H.-R. Liszt and the Meyendorff Family // New Light on Liszt and His Music: Essays in Honor of Alan Walker's 65th Birthday / Ed. A. Walker, M. Saffle, J.A. Deaville. N. Y., 1997. P. 53–74.

⁶ The Letters of Franz Liszt to Olga von Meyendorff, 1871–1886 in the Mildred Bliss Collection at Dumbarton Oaks. Washington, 1979. Ольга Михайловна похоронена на некатолическом кладбище Тестачко в Риме (Италия).

⁷ Мать П.А. Столыпина, Наталья Михайловна, была урожденной княжной Горчаковой, родной сестрой Ольги Михайловны фон Мейендорф.

*Вид надгробия
на могиле А.Ф. Мейендорфа после расчистки*

соправоведа Льва Аристидовича Кассо (1865–1914), с именем которого впоследствии был связан известный жесткий министерский курс в отношении либеральной профессуры и студенчества⁹.

Завершая тему родственных связей, отметим, что среди родственников Александра Феликсовича были советский нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чicherин (1872–1936), богослов и церковный историк отец Иоанн Мейендорф (1926–1992), художник и иконописец Николай фон Мейендорф (1888–1969), американская актриса Маргарита Мейендорф и многие другие более и менее известные военные, общественные и культурные деятели.

Отыскивая следы рода Мейендорфов, нельзя не упомянуть и о таком любопытном факте: замок, принадлежавший баронам Мейендорф в Барвихе, является ныне подмосковной резиденцией президента Российской Федерации¹⁰. Как известно, до революции 1917 г. владельцами замка были баронесса Надежда Александровна фон Мейендорф (ур. Казакова, в первом браке Веригина) и ее второй муж, дипломат барон Михаил Феликсович фон Мейендорф (1861–1941), старший брат А.Ф. Мейендорфа. Хозяева жили в замке только летом, а в 1914 г. уехали за границу, в Данию, и после окончания Первой мировой войны остались за рубежом. В первые годы советской власти во дворце существовала колония для детей погибших красноармейцев, а с 1935 г. здесь начал функционировать санаторий Совета народных комиссаров (позже — Совета министров) СССР «Барвиха».

⁸ См.: Андреева Н.С. Политик А.Ф. Мейендорф // Немцы в России. Петербургские немцы: Сб. ст. СПб., 1999. С. 225–231; Она же. Прибалтийские немцы и российская правительенная политика в начале XX века. СПб., 2008; Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. Köln; Wien, 1970. S. 511; Hagen M. Zwischen Nationalitäten und Fraktionen — Alexander Baron Meyendorff (1869–1964) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 1978. Bd. 27. S. 558–615.

⁹ См.: Столыгин П.А. Переписка. М., 2004. С. 619–620.

¹⁰ Подробнее см.: Блюмин Г.З. Царская дорога. М., 2005; Рудомино А.В. Легендарная Барвиха. М., 2009.

ложение, предпочтя заниматься проблемами переустройства современной ему Российской империи на общественном поприще⁸. Несмотря на этот отказ, Мейендорф, выпускник юридического факультета и приват-доцент Санкт-Петербургского университета, имевший обширные связи в научном сообществе, нередко консультировал своего высокопоставленного кузена по кадровым вопросам в области образования. Так, в частности, именно он предложил на пост министра народного просвещения профессора-правоведа Льва Аристидовича Кассо (1865–1914), с именем которого впоследствии был связан известный жесткий министерский курс в отношении либеральной профессуры и студенчества⁹.

Александр фон Мейендорф был натураой смелой, страстной, деятельной. Дважды, в 1907 и в 1912 гг., барон избирался в III и IV Государственные думы по Херсонскому избирательному округу. В 1907–1909 гг. он товарищ председателя Государственной думы¹¹. В обеих думах Мейендорф нередко высказывался в противовес большинству и зарекомендовал себя защитником гражданских прав и свобод. Революционные и социальные катаклизмы, потрясшие Российскую империю во время Первой мировой войны, способствовали разочарованию Александра Феликсовича в поддерживаемых им политических проектах. В начале Гражданской войны, в 1918 г., он еще пытался заниматься освобождением заложников из «бывших», но вскоре вместе с женой Варварой Михайловной уехал в Латвию, а еще через год перебрался в Англию.

В британской эмиграции барон фон Мейендорф провел всю вторую половину жизни. В отличие от тех соотечественников, для которых изгнание с родины означало крушение всех жизненных идеалов и профессиональных карьер, Александр Феликсович сумел устроить свою новую жизнь. Еще в дореволюционные годы он издал ряд экономико-правовых исследований¹² и в Лондоне начал читать курс «Экономическое развитие России» в Школе экономики (London School of Economics). Параллельно он занимался переводами русских классиков на английский язык (И.А. Крылова, И.С. Тургенева и др.), а также опубликовал немало научных работ по истории и экономике России, перечень которых вошел в знаменитые белградские «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом»¹³.

Общий вид могилы

А.Ф. Мейендорфа и его жены
после работ по благоустройству

¹¹ См.: Николаев А.Б. [Мейендорф] // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. М., 2008. С. 366–367; Гаврилова О.А. Барон А.Ф. Мейендорф — защитник российских немцев в IV Государственной думе // Немцы в государственности России. СПб., 2004.

¹² Прусская конституция с объяснениями. СПб., 1905; Крестьянский двор в системе русского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения. СПб., 1907; Вопрос о толковании закона и компетенция департаментов правительства Сената прежнего устройства. СПб., 1914; Материалы к пересмотру законов о печати. СПб., 1915. Вып. 1 и др.

¹³ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940): [В 2 т.] / Под ред. Е.В. Спекторского. Белград, 1931. Т. 1. № 246. С. 203. См. также: The History of Ownership of Land in Russia and Its Influence on Political Developments // Proceedings of the Anglo-Russian Society. L., 1919; Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России // Сб. ст., посвященных П.Б. Струве: Ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. 1890 — 30 января 1925. Прага, 1925. С. 299–312; Императрица Евгения и Россия после пленения Наполеона III 2 сентября 1870 года: (По неизданным документам, хранящимся в архиве Лондонского посольства) // Сб. ст., посвященных Павлу Николаевичу Милюкову: 1859–1929. Прага, 1929. С. 497–512; The Background of the Russian Revolution. N. Y., 1929; Conversations of Gortchakov with Andrásy and Bismarck in 1872 // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 8. December. P. 400–408.

В 1930 г. Александр Феликович был удостоен Даремским университетом степени доктора наук honoris causa и тогда же был избран товарищем председателя Anglo-русского общества, стремившегося содействовать культурному диалогу двух народов. Председателем общества стал известный историк, директор Школы славяноведения сэр Бернард Пэрис (Pares; 1867–1949)¹⁴.

В 1935–1939 гг. барон фон Мейендорф жил в Финляндии, но затем вернулся в Англию, где после окончания Второй мировой войны работал в Британском музее, продолжая исследования в области истории русских революций 1917 г. Интенсивные контакты с соотечественниками составляли важную часть его жизни в годы эмиграции. Личные архивные фонды А.Ф. фон Мейендорфа, хранящиеся в Великобритании, Германии, США, Финляндии, сохранили сотни листов его переписки с русскими коллегами, которым он всегда стремился помочь¹⁵. «Очаровательный и умнейший человек» — так отзывался о Мейендорфе историк-эмигрант младшего поколения Николай Андреев (1908–1982), который встречался с ним в Англии в 1950-е гг.¹⁶

Александр Феликович был дважды женат: в первом браке на княжне Нине Цулукидзе (ум. в 1906), во втором — на княжне Варваре Михайловне Шервашидзе (в первом браке Цулукидзе; 1859–1946)¹⁷. Детей у Мейендорфов не было.

Последние годы жизни Александр Феликович и Варвара Михайловна фон Мейендорф провели в Пейнтоне, поэтому местом их захоронения стало кладбище этого курортного английского городка. Два древних и знатных рода, неразрывно связанных с историей России и служением ей, нашли упокоение вместе на английской Ривьере, где столь желанные солнечные лучи туманного Альбиона согревают их последнее пристанище. Сегодня, после наших усилий по расчистке, надпись на каменной плите надгробия Мейендорфов вновь стала хорошо читаемой, а само надгробие — по-английски сухим, но одновременно идеально ухоженным. В заключение добавим, что в тот день за памятником нашим соотечественникам ухаживали и дети и взрослые, и русские и англичане.

Фото Н.Ю. Масоликовой

---

¹⁴ См.: Грабовый В. Англия // Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926. С. 191.

¹⁵ Личные фонды А.Ф. фон Мейендорфа, помимо указанных, хранятся также в Британской библиотеке политических и экономических наук и Школе славянских и восточноевропейских исследований (Лондон, Великобритания); Институте Гердера (Марбург, ФРГ).

¹⁶ Цит. по: Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании: Письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 141.

¹⁷ Об истории рода князей Шервашидзе — одного из самых древних на Кавказе, «владетелей» Абхазии, см.: Чиковани Ю. Род абхазских князей Шервашидзе: Историко-генеалогическое исследование. Тбилиси, 2007.